

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ¹

Валерий Якубович

Стенфордский университет (Калифорния)

Институт сравнительных исследований трудовых отношений (Москва)

valery@stanford.edu

Светлана Ярошенко

Институт социальных и экономических проблем Севера РАН

Стенфордский университет (Калифорния)

sveta@stanford.edu

Перевод М.С.Добряковой

Научное редактирование – В.В.Радаев

Истоки экономической социологии в России можно обнаружить в 1960-1970-х гг., когда российские социологи активно разрабатывали экономические темы в рамках индустриальной социологии и социологии труда, а экономисты регулярно использовали в своих исследованиях социологическую аргументацию. Вплоть до начала 1980-х никто не выделял экономическую социологию как самостоятельную область знания. А в начале 1980-х гг. перед социологами Новосибирского института экономики и организации промышленного производства задумались о том, как назвать новый курс для студентов. Они сформулировали предмет и очертили границы новой дисциплины, равно как и дали ей название, по всей видимости, независимо от своих западных коллег [Заславская, Калугина 1999]. Таким образом, формирование области знания, которую ниже мы будем называть экономической социологией, произошло за десятилетие до крушения государственного социализма. Однако только на волне социальных и экономических потрясений начала 1990-х развитие экономической социологии вышло за пределы относительно изолированных региональных исследовательских центров. По всей стране начали появляться новые кафедры, учебники, курсы, ученые степени и конференции, имеющие «экономическую социологию» в качестве титула. Эти организационные процессы сопровождались значительными изменениями в содержании дисциплины: их львиная доля обязана влиянию западной экономической социологии; меньшее воздействие оказало богатое наследие дореволюционной российской социологии. В аналитических целях мы выделяем это новое интеллектуальное течение как новую экономическую социологию. На практике обе эти традиции – и старая, и новая – тесно переплетаются и зачастую развиваются одними и теми же исследователями. Мы считаем происходящие перемены ре-институционализацией российской экономической социологии, которая зависит от своего первоначально выбранного пути и формируется теоретическими и эмпирическими проблемами, характеризующими переход России от государственного

¹ Перевод статьи: Yakubovich, Valery and Yaroshenko, Sveta. Economic Sociology in Russia, *Economic Sociology, European Economic Newsletter*, // www.siswo.uva.nl/ES.

социализма к рынку, а также все большей открытостью российского социологического сообщества внешнему миру.

В этом очерке мы остановимся на основных интеллектуальных течениях, появляющихся в результате выше названных процессов. Поскольку эта тема достаточно широка, размер статьи ограничен, а границы дисциплины, особенно в ее российском варианте, все еще находятся в стадии формирования, наш обзор неизбежно окажется субъективным и неполным.

Эволюция старой экономической социологии

Тот факт, что новая область знания зародилась в рамках Новосибирского института экономики и организации промышленного производства – т.е. экономического института, – обозначает тенденцию, появившуюся в начале 1960-х гг. Мыслящие экономисты видели огромную разницу между марксистско-ленинской теорией социализма, с ее картиной динамичного экономического развития на основе государственной собственности и централизованного планирования, с одной стороны, и окружающей их действительности, в которой планы зачастую оставались на бумаге, технологические инновации постоянно проваливались, а государственная собственность превратилась в объект для извлечения частной выгоды, с другой стороны. Эти наблюдения привлекли их внимание к рядовым экономическим агентам, упрямо отказывавшимся вести себя как послушные винтики в государственной машине. Т.И.Заславская и ее коллеги пришли к заключению, что структурная позиция индивида в процессе производства и его культурные черты оказывают серьезное влияние на экономическое поведение. Следовательно, основной акцент экономической социологии должен быть на анализе социальной стратификации и экономической культуры [Заславская, Рывкина 1991]. Различия в экономическом поведении можно объяснить дифференциацией акторов в зависимости от отрасли экономики, региона, пола, возраста, этнической принадлежности, семейного положения, образования и квалификации, опыта работы и т.д. В отличие от западной ветви, российская экономическая социология первоначально была нацелена скорее на анализ позиций, чем отношений, и фокусировалась на микро- и мезоуровнях анализа, практически не затрагивая роли таких социетальных институтов, как коммунистическая партия и социалистическое государство.

Эта исследовательская традиция не исчезла и в 1990-е гг. Анализ индивидов и групп как субъектов и объектов социально-экономических реформ по-прежнему опирается в значительной степени на концептуальные и методологические инструменты и понятия ранней новосибирской школы. В русле этой традиции находится, например, исследование Р.В.Рывкиной [Рывкина 1998], нацеленное на выявление конкретных экономических агентов, чьи совместные действия привели к знаменитым провалам российским реформ, которые проявились в задержках зарплаты, падении уровня жизни, криминализации экономики и общества. Это объяснялось коррупцией политических структур, действовавших в интересах тех или иных групп (клик), а не общества в целом. На более общем уровне, автор полагает, что советская и постсоветская политические элиты не обладали навыками и интеллектуальными ресурсами для того, чтобы творчески встроить новую экономическую политику в исторически сложившую культурную среду российского общества. Достаточно далеко отходя от доперестроечной традиции, Рывкина анализирует экономическую роль российского государства и приходит к выводу, что именно оно в первую очередь виновно в провале рыночных реформ.

О.Э.Бессонова [Бессонова 1997] предполагает, что этот провал следует рассматривать в исторической перспективе. Она пишет, что в течение одиннадцати веков российская экономика была раздаточной экономикой. Такая экономика характеризуется следующими чертами: (1) собственность дается при условии определенных обязательных услуг и может быть конфискована тем, кто стоит у власти, если она используется не по правилам, или если услуги оказываются неудовлетворительными; (2) материальные ресурсы, необходимые для оказания услуг, предоставляются через институты раздач; (3) накопление общественного богатства происходит через институты сдач; (4) система административных жалоб являет собой механизм обратной связи, передающий реакцию слуг государю (патрону); наконец, (5) раздача и сдача координируются системой управления и финансовыми институтами.

Представленная здесь институциональная концепция очень близка к понятию редистрибутивной экономики К.Поланьи [Polanyi 1957]. Единственное различие – в том, что у Бессоновой распределение (раздача) первично по отношению к поставке (сдаче); Поланьи же считает эти две стороны редистрибутивного механизма одинаково важными. Интересно, что анализ российской экономической организации как образования, стабильного на фоне столетий, противоречит переформулированному Селеньи утверждению Поланьи, где он разграничивает традиционное перераспределение (редистрибуцию) в феодальных обществах и рациональное перераспределение при государственном социализме.

Появление новой экономической социологии

В новой экономической социологии в России доминируют две школы мысли: новый институционализм, представленный в работах Р.Коуза, Д.Норта и О.Уильямсона, и концепция укорененности [экономических отношений в социальной структуре], развиваемая К.Поланьи, Х.Уайтом и М.Грановеттером. Особенно важными являются работы В.В.Радаева, использующие эти и другие идеи западной экономической социологии в своей преподавательской и исследовательской работе. В его исследованиях стратификации, предпринимательства, неформальной экономики и экономики домохозяйства наиболее существенные стороны российской экономической действительности рассматриваются с мультипарадигмальных позиций. Новый институционализм служит схемой для анализа проблем, столь острых для России переходного периода, – высоких транзакционных издержек и низкого уровня дисциплины в сфере контрактных отношений. Концепция укорененности используется для анализа неформальности и персонификации, свойственных российским экономическим отношениям.

В предпринятом Радаевым исследовании предпринимательства [Радаев 1998] развенчивается миф о том, что российские деловые практики совершенно лишены всякой этики и основываются на коррупции и насилии. Он показывает слабость и неэффективность попыток государства укрепить дисциплину в сфере контрактных отношений – в силу чего и возникает необходимость их дополнения и замены неформальными механизмами. Однако эти механизмы необязательно криминальны или основаны на насилии; они включают также и стабильные деловые сети, в которых решающую роль играют доверие, реципрокность и лояльность. Наиболее интересный вопрос для дальнейших исследований, имеющий также и серьезные выходы в сферу политики, – это при каких условиях развивается тот или иной тип горизонтальных механизмов. В качестве первого шага в этом направлении полезно исследовать размер и плотность сетей, лежащих в основе доверия и реципрокности.

Авторы данного очерка имели возможность заниматься сходными проблемами в

рамках эмпирического исследования рынков труда и бедности. Ряд исследований убедительно показывает, что на российском рынке труда роль личных контактов не уменьшается, а, наоборот, увеличивается по сравнению с дореформенным периодом [Clarke 1999; Гимпельсон и Магун 1994; Козина 1997]. Более пристальное изучение рынка труда в российском городе позволяет предположить, что найм часто происходит в пределах небольших и плотных сетей, которые, с одной стороны, ограничивают возможности получить работу, а с другой – превращают процесс найма в реципрокный обмен услугами. Можно утверждать, что логика реципрокности здесь вытесняет логику обмена [Yakubovich 2000].

Феномен бедности служит хорошей иллюстрацией серьезных и одновременных провалов многих институциональных механизмов. Традиционные российские предприятия и организации, на которых все еще занято большинство населения, выплачивают минимальную зарплату, и то часто с задержками. Обедневшее государство не в состоянии содержать систему социальной помощи даже на минимальном уровне и, как следствие, обеспечивает поддержку лишь небольшой группе домохозяйств. Последняя выделена на основе зарегистрированного дохода, который, как правило, совершенно не оценивает уровень их реального благосостояния. Таким образом, на основании этого критерия помощь предоставляется домохозяйствам, которые живут не хуже, чем многие из тех, кто такой помощи не получает. Наконец, те, кто находится в наиболее неблагоприятном экономическом положении, вовлечены в закрытые сети неформального обмена и, оказавшись в таком замкнутом круге, не имеют возможности улучшить свое экономическое положение [Ярошенко 1998].

Новая экономическая социология в России находится в начальной стадии своего развития. После многих лет оторванности от западной традиции, которую и сейчас трудно преодолеть в силу языкового барьера, существует огромная потребность в качественных переводах и интерпретации лучших работ западных ученых. Книги Ю.В.Веселова, В.И.Ильина и, особенно, В.В.Радаева [Веселов 1995; Ильин 2000; Радаев 1997] отчасти восполняют этот пробел, однако впереди еще очень большая работа. Очень важно также быстро освоить уже используемые исследовательские методы. Мы отнюдь не утверждаем, что эти методы совершенны и что нет возможности как-либо их улучшить или изобрести что-то новое. Однако весьма маловероятно, что движение вперед окажется возможным без освоения уже накопленного объема знаний и навыков. В этом смысле, особенно ценны усилия американского социолога Майкла Сваффорда и его российских коллег П.М.Козыревой и М.С.Косолапова. Эта группа организовала и в течение уже почти десяти лет проводит Российское лонгитюдное обследование (RLMS), являющееся единственным национальным репрезентативным многоцелевым исследованием российского населения, открытым для всего научного сообщества. Этот проект отвечает стандартам количественных социальных исследований и, тем самым, помогает устанавливать эти стандарты в России.

Крайняя непродолжительность свободного в идеологическом отношении развития отчасти объясняет теоретический эклектизм современной экономической социологии в России, ее описательный характер, а также метания между метафорическим и безоговорочным принятием западных подходов и таким же метафорическим и полным их отрицанием и игнорированием. Между тем, наше интеллектуальное наследие уже содержит наиболее фундаментальные предпосылки экономической социологии. Так, например, в книге, написанной в сталинских застенках в 1930-32 гг. и впервые опубликованной в 1991 г., экономист с мировым именем Н.Кондратьев рассуждает по поводу русского слова «хозяйство», английский аналог которого, по его мнению,

отсутствует. Кондратьев определяет хозяйство как систему отношений внутри реальной группы людей, которая появляется и воспроизводится в деятельности, направленной на обеспечение средств к удовлетворению потребностей [Кондратьев 1991: 110-113]. Он называет хозяйство предметом экономической теории. В современной российской литературе слова «хозяйство» и «экономика» используются как взаимозаменяемые. Кондратьев же, напротив, полагает, что термин «хозяйство» соответствует содержательному значению экономической деятельности по К.Поланьи, в то время как «экономика» соответствует ее формальному значению [Polanyi 1957]. Кроме того, Кондратьев намеренно называет главу, в которой изложены эти идеи, «Общество и хозяйство», утверждая тем самым первичность общества по отношению к экономическим делам и настаивая на необходимости в анализе экономической деятельности двинуться дальше формальных рассуждений о соотношении издержек и выгоды. Идеи Кондратьева, предвосхитившие некоторые основные достижения нашей дисциплины на пару десятилетий, заставляют нас уверовать в то, что экономическая социология в России обладает потенциалом, достаточным для того, чтобы преодолеть начальные трудности и вступить во взаимовыгодный диалог с западным профессиональным сообществом.

Примечания

- Бессонова О.Э.* (1997) Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Гимпельсон В.Е., Магун В.С.* Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал, № 1. С. 134-149.
- Заславская Т.И., Калугина З.И.* (ред.) (1999) Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* (1991) Социология экономической жизни. Новосибирск: Наука, 1991.
- Ильин В.И.* (2000) Поведение потребителей: Учебное пособие. Сыктывкар: Сыктывкарский университет.
- Кондратьев Н.Д.* (1991) Основные проблемы экономической статики и динамики. Москва: Наука.
- Козина И.* (1997) Поведение на рынке труда: анализ трудовых биографий // Социологические исследования, № 4. С. 55-64.
- Радаев В.В.* (1997) Экономическая социология: курс лекций. Москва: Аспект Пресс.
- Радаев В.В.* (1998) Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. Москва: Центр политических технологий.
- Рывкина Р.В.* (1998) Экономическая социология переходной России. Москва: Дело.
- Веселов Ю.В.* (1995) Экономическая социология: история идей. С.-Петербург: С.-Петербургский университет.
- Ярошенко С.* (1998) Бедные в социальной стратификации постсоветской России // Альманах социальных исследований «Рубеж», № 12.
- Clarke, S.* (1999), The Formation of a Labour Market in Russia. Cheltenham: Edward Elgar.

- Polanyi, K.* (1957) *The Economy as Instituted Process // Trade Market in the Early Empires /*
Ed. by K.Polanyi, C.M.Arensberg, H.W.Pearson. Glencoe: The Free Press.
- Szelenyi, I.* (1978) *Social Inequalities in State Socialist Redistributive Economies //*
International Journal of Comparative Sociology, No 19. P. 63-87.
- Yakubovich, V.* (2000) *Institutions, Social Networks, and Market Exchange: Matching*
Workers and Jobs in Russia // Paper presented at the International Conference “Economic
Sociology at the Edge of the Third Millennium,” Moscow: InterCenter.